

Идея цикличности как парадигма объяснения исторической реальности

И.Н. Сиземская

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-33-48

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье ставится вопрос об объяснительном потенциале идеи исторического циклизма и ее роли в современных теориях общественного развития в качестве парадигмы моделирования исторической реальности, предусматривающей динамику единства прошлого-настоящего-будущего в историческом движении человечества. Проблема рассматривается в рамках социально-философской интерпретации исторического процесса как имеющего свои точки бифуркации, перерывы постепенности, сопровождающиеся сменой общественных идеалов, нравственных приоритетов, духовных смыслов и моделей социальной практики. В этой связи автор обращается к исследованию А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», к его интерпретации цикличности как «пульсации» массовых характеристик общества в периоды наиболее ярко выраженных повторений в истории, на которые социальное бытие реагирует «рывками в обратном направлении». Каждый раз ситуация актуализируется, как показывает автор, появлением дуальных оппозиций, а в этой связи возрастанием позитивно-конструктивной роли *критической рефлексии*, которая ориентирует общественное сознание на адекватное понимание ситуации через *диалог оппозиций*, на отказ от абсолютизации полярностей в оценках и культурных предпочтениях. Иными словами, на стремление к взаимопониманию на базе принятых общих культурных смыслов и нравственных ценностей, на *медиацию*, т.е. на выход за рамки социально-культурной конфронтации. В статье обосновывается мысль, что ритмы истории имеют «сложный размер», свидетельствующий о несводимости истории к логике прямолинейного движения. Любая социальная система не имеет абсолютного завершения даже на этапе ее упадка, и потому конкретная историческая реальность сохраняет элементы сложившегося на основе национальной культуры старого, включает их в настоящее бытие, которое остается открытым для будущего. Автор приходит к выводу, что между духовной жизнью общества и его историческими виражами, циклами есть определенная культурно-историческая симметрия, которая говорит о главном: понять смыслы и значимость циклизма как явления истории

можно только в единстве всех составляющих исторического процесса: социально-экономической, политической, нравственной, религиозной, культурной, собственно исторической (событийной). Такое понимание достигается совместными усилиями философов, историков, экономистов, политологов, культурологов.

Ключевые слова: история, циклизм, историческая реальность, инерция истории, инверсия, медиация, философская рефлексия, дуальная оппозиция, раскол, срединная культура, промежуточная цивилизация.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН, Москва, Россия.

sizemskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Для цитирования: Сиземская И.Н.. Идея цикличности как парадигма объяснения и моделирования исторической реальности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 33–48. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-33-48

The Idea of Cyclicity as a Paradigm for the Explanation of Historical Reality

I.N. Sizemskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-33-48

Original research paper

Abstract

The article discusses the explanatory potential of the idea of historical cyclicity and its role in the modern theories of social development. The historical cyclicity is considered as a paradigm for modeling historical reality that provides the unity of the past-present-future in the historical movement of humanity. The problem is reviewed in the framework of the socio-philosophical interpretation of historical process, which presumes that the historical process has points of bifurcation, interruptions in its gradualness and is accompanied by a change of social ideals, moral priorities, spiritual values and models of social practice. In this regard, the author refers to A.S. Akhiezer's study *Russia: A Critique of Historical Experience*, to his interpretation of cyclicity as a "pulsation" of the mass characteristics of society in the periods of the repetitions in history, the periods of "movements in the opposite direction." The author demonstrates

that each time in such periods the emergence of dual oppositions takes place. In this regard, it is important to use critical reflection, which provides an understanding of the situation through the dialogue of oppositions and assists to avoid the absolutization of polarities in assessments of cultural phenomena. In other words, the critical reflection provide a reconciliation based on mutual understanding of common cultural and moral values and norms. This reconciliation is a mediation, way out of social and cultural confrontation. The author argues that the historical development is of complex nature and cannot be reduced to rectilinear motion. Any social system does not have an ultimate finish, even if a system is at the stage of its decline. Thus, any civilization retains elements of the old cultures, includes them in the present and remains open to the future. The author concludes that there is a certain cultural and historical symmetry between the spiritual life of society and its historical cycles. Therefore, the meaning of cyclicity as a historical phenomenon can be considered only in the unity of all the components (social, economic, political, moral, religious and cultural) of historical process. Such an understanding is achieved through the joint efforts of philosophers, historians, economists, political scientists and cultural researchers.

Keywords: history, cyclism, historical reality, inertia of history, inversion, mediation, philosophical reflection, dual opposition, divide, middle culture, intermediate civilization.

Irina N. Sizemskaya – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.

sizemskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

For citation: Sizemskaya I.N. (2019). The Idea of Cyclicity as a Paradigm for the Explanation of Historical Reality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 8, pp. 33–48.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-33-48

История, по-видимому, не является ни столь монотонной и неизбирательной, как полагают сторонники строгой периодичности, «железных законов» и «всеобщих закономерностей», и не такой тупой и механистической, как двигатель, производящий одинаковое число оборотов в единицу времени. Она повторяет свои «типы», но почти всегда с новыми вариациями. В этом смысле история всегда новая, но и всегда старая.

П. Сорокин

Анализ истории страны показывает, что для нее характерны периодические резкие глобальные, т.е. охватывающие все общество, повороты в системе ценностей, периодические попытки повернуться спиной к своему вчерашнему опыту... с тем, чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню. В этих периодических зигзагах есть некоторая скрытая закономерность.

А. Ахиезер

Введение

Исторические циклы, которые очевидно и постоянно сопровождают развитие человеческой цивилизации, несут в себе интенцию возвращаться к культурным смыслам, религиозным идеологиям и соответствующим им институтам организации общественной жизни, соединяя тем самым историческое бытие людей во времени. В этом своем проявлении циклизм есть один из важнейших цивилизационных механизмов, благодаря которому прошлое не исчезает бесследно в настоящем, а настоящее прорастает в будущем. Его суть, цивилизационное «назначение», состоит в фиксации «точек возврата» истории к уже пройденным, пережитым состояниям, в «пульсации тех или иных важных массовых характеристик сложной социальной системы и общества» [Ахиезер 1991б, 436]. В общественном сознании, как показывает анализ социально-культурного опыта человечества и отдельных народов, этот возврат приобретает актуальный смысл, когда общество пытается выйти из плена *дуальных оппозиций* – традиционализма и модернизации, стихии рынка и государственного регулирования, реформ и контрреформ, тоталитаризма и демократии, претензий власти на верховенство и устремлений гражданских союзов к самоопределению, централизации и децентрализации в государственном управлении и т.п. Иными словами, каждый раз ситуация возможного и реального возврата бывает сопряжена со сменой приоритетов в духовно-нравственных и идейно-политических предпочтениях масс и их лидеров, принимая форму болезненных колебаний от одного общественного идеала к противоположному и обратно. Это свидетельствует о том, что историческое развитие *не безусловно* подчиняется общим законам, что каждый народ, как писал Герцен, вышивает свои узоры на их канве, что этот узор с необходимостью воспроизводит контуры его собственного прошлого, что для каждого поколения

его настоящее начинается не с «чистого листа», а с того наследия, которое ему оставили предки. В какой мере и как надолго прошлое будет оставаться активным элементом исторической памяти и творимого им настоящего зависит от многих объективных и субъективных факторов, от внешних и внутренних, политических и экономических, институциональных и духовных обстоятельств. Но постоянной константой этой зависимости будет возврат к пережитому как *сохраняющему жизненную силу* для выбранного вектора социальной практики. Эту черту исторического опыта делали предметом анализа многие исследователи, выстраивая свою концепцию исторического развития (Д. Вико, И. Гердер, М. Вебер, Ж. Кондорсе, Н.Д. Кондратьев, П. Сорокин, А. Тойнби, К. Ясперс). Все они приходили к одному общему выводу: ритмы истории, в отличие от природного мира, имеют «сложный размер» (Сорокин), определяемый духовно-практическими смыслами и ценностями общечеловеческой и национальной культуры.

Россия не представляет в этом отношении исключения. Ее исторические выражи всегда были, с одной стороны, «сигналами», идущими из метафизических глубин всеобщей истории, с другой стороны, имели свое национальное лицо. И потому они, «подобно обнажившимся геологическим пластам, могут высветить то, что может быть в иных формах и с иной остротой характерно и для других стран и народов» [Ахиезер 1991a, 20]. В последнее время обращение к этому аспекту российской истории нашло отражение в ряде исследований [Ильин, Панарин, Ахиезер 1996; Яковец 2000; Пантин 2003; Новикова, Сиземская 2004; Пантин, Лапкин 2005; Циклы политического развития 2010; Лимонов 2014]. В них, *во-первых*, обосновывается представление о том, что развитие общества внутри каждого цикла (и краткосрочного и длительного, и экономического, касающегося хозяйственных систем, и социокультурного, и общецивилизационного), подчиняется стадийному движению от становления через расцвет к упадку; *во-вторых*, получает реализацию гипотеза о нелинейном характере исторических процессов; *в-третьих*, приобретает методологический статус мысль о том, что в основе циклизма лежит механизм преемственности, обеспечивающий целостность исторического бытия во временных рамках отдельных цивилизаций и всемирной истории, делающий их *открытыми* для вызовов нового времени. В рамках идеи исторической цикличности анализируются проблемы синхронизации и структурирования

глобальной истории, исследуются возможные перспективы будущего развития человечества. Внимание фиксируется на том факте, что в сфере общественного сознания циклизм может принимать форму инверсионных бросков «от одной крайности к другой, от господства одного нравственного идеала к противоположному и обратно» [Ахиезер 1991б, 436]. Конструктивную роль в таких ситуациях приобретает способность коллективного сознания во всех его многообразных видах – научного знания, философии истории, мировоззрения, духовных смыслов повседневной жизни, искусства – к критической рефлексии, направленной на преодоление инерционных сил истории. Позитивный эффект такой рефлексии во многом зависит от того, в какой мере она становится атрибутом самих преобразований, определяя вектор и способы контроля над ними со стороны социума в лице политических и хозяйственных лидеров, отдельных социальных групп, людских масс.

Это убедительно показано в исследовании А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта»¹, в котором был найден новый объяснительный принцип идеи исторической цикличности. История России рассматривается им как воспроизводство исторической реальности, развертывающееся в разных направлениях и имеющее перерывы в постепенности, проживаемые и осознаваемые людьми с разной степенью адекватности и готовности принять веяния нового для них времени [Ахиезер 1991а].

¹Трехтомное исследование А.С. Ахиезера охватывает историю российского общества от становления государственности до сегодняшних дней. Обращаясь к реальным историческим событиям, автор сформулировал и реализовал в осуществленном анализе историософские принципы описания исторических реалий в их временных связях и разрывах. Его интересовал вопрос: как общество сохраняет себя в ходе своей воспроизводственной деятельности и какие факторы этой деятельности могут привести его к национальным катастрофам? Поиски ответа на этот вопрос привели к созданию теории, основным звеном которой стал анализ противоречий в нравственных ориентациях и идеалах, сопутствующих периодам утверждения и смены исторических циклов. Это позволило описать особый тип противоречий, принимающих вид дуальных оппозиций. В центре внимания автора – сложности перехода традиционного российского общества к культурным смыслам Нового времени, дающие основание считать Россию «промежуточной цивилизацией». Исследование Ахиезера включает составленный автором обширный «Социокультурный словарь» из 350 понятий и терминов, который сам по себе имеет научную значимость.

Трагедию страны он видит в недостаточном уровне критически-рефлексивного восприятия собственного социокультурного опыта и практической воспроизводственной деятельности, что становится причиной утверждения господства в общественном сознании утопических и мифологических представлений о социальном бытии и путях его развития, дезорганизующих жизнь общества на всех его уровнях. Ключевыми, выполняющими методологическую функцию в осуществленном анализе цивилизационной специфики России, которую Ахиезер относит к «промежуточным цивилизациям», стали концепты «циклы истории», «историческая инерция», «критическая рефлексия», «медиация», «раскол», «срединная культура». Сегодня такой ракурс обращения к отечественной истории приобрел новые актуальные смыслы.

Критическая рефлексия: способ сближения прошлого и настоящего

Истории свойственно следование оправдавшему (и даже неоправдавшему!) себя в позитивных результатах прошлому. На уровне теории исторического процесса это свойство закрепилось за понятием «историческая инерция». Без этой способности историческое бытие человека не выдержало бы натиска модернизационных процессов и в какой-то момент погрузилось в разрушительный хаос. Но очевидна и скрытая опасность исторической инерции: она может оказаться фактором катастрофической консервации сложившихся жизненных условий и алгоритмов воспроизводящей деятельности людей, рождать кризисы, выход из которых всегда сопровождается социально-экономическими и культурными потерями для общества. Функцию предотвращения такой ситуации выполняет критическая рефлексия. Она является гарантией как от резких стихийных поворотов в системе ценностных ориентаций, провоцирующих нарастание политической нестабильности, так и от непроверенной разумом консервации сложившихся форм общественного состояния, принципов отношения власти с народом, организационных форм хозяйствования, нормативных устоев семейной жизни – консервации, рождающей *социальный застой*. Как свидетельствует анализ социокультурного опыта человечества, что убедительно показал в своем исследовании Ахиезер, и в первом, и во втором случае ситуация перерастает в национальную катастрофу, если ее

«не обгоняет рост рефлексии, творческой способности личности предотвращать нарастание дезорганизации» [Ахиезер 1991а, 25]. Рост рефлексии означает, что движение истории осуществляется по пути воспроизводства социальности в ее общечеловеческом содержании.

Осознание этого факта задает оптику рассмотрения истории, *во-первых*, в модусе некоторого отстояния ее субъекта от исторических событий, позволяя увидеть их в модальном ключе согласия/несогласия с ними; *во-вторых*, в осознании взаимной дополняемости онтологических и гносеологических оснований ее циклично-волнового характера, т.е. в соотношении не только с определенными временными рамками, а и в связи с социокультурными параметрами исторического бытия; *в-третьих*, через интерпретацию духовной и практической рефлексии исторического субъекта как фактора движения цивилизации от одной исторической эпохи к другой.

Есть еще один важный момент, связанный с включением критической рефлексии в исторический процесс «на правах» его структурной составляющей: признание, что исторические события несут в себе нравственные измерения, а это ставит вопрос о нравственной оценке прошлого и его влиянии на настоящее, что в свою очередь требует от исторического субъекта «ответственной совести». Если говорить об отечественной философско-исторической мысли, то можно вспомнить, что в такой модальности проблема была сформулирована еще Т.Н. Грановским, который уделил ей внимание в контексте исследования переходных эпох, т.е. именно, если говорить в терминологии современного знания, в контексте проблематики исторической цикличности. Можно сказать, что Грановский первым в отечественной философии обратился к анализу исторического процесса в парадигме циклизма, обосновав на социально-философском уровне не только мысль о противоречивости исторического процесса, являющего нам «зрелище непрерывных перемен, процветания и увядания, жизни и смерти» [Грановский 2006, 170], но и идею о том, что историческая рефлексия относительно этого факта включает в качестве своего обязательного элемента ответственность исторического субъекта (в равной степени лидера и масс) за выбранный вектор общественного развития и способы достижения поставленных в этой

связи целей². У Ахиезера эта проблема нашла отражение в его анализе исторического опыта через философскую оптику смены духовно-нравственных идеалов.

В целом сказанное выше означает признание, что «все тайны человеческой деятельности, следовательно, и деятельности, определяющей исторический процесс, запечатлены в содержании культуры. Возникает необходимость рассмотреть *культуру как специфическую сферу реальности, имеющую первостепенное значение для понимания как механизмов исторической деятельности, так и для механизма формирования общества и государства*» [Ахиезер 1991а, 26]. Культура есть основание «социального проживания» человека в истории, и потому обращение к ней имеет первостепенное значение для понимания механизмов, посредством которых осуществляется принятие прошлого и преодоление конфронтации с ним. На переломе эпох накопленный культурный опыт становится своеобразным заложником всех происшедших в обществе изменений: инициируя появление и развитие дуальных духовно-ценностных оппозиций, он дает новый импульс массовой творческой энергии, обращенной к общественным переменам, и одновременно сдерживает это движение. Эта тема обращает к другой проблеме, актуализируемой идеей исторических циклов, – к проблеме настоятельности межпоколенческого диалога как механизма связи прошлого и настоящего.

Медиация как механизм «размыкания» исторических циклов

В культуре дуально-оппозиционные полюса (добро и зло, справедливость и несправедливость, свобода и бесправие, авторитаризм и демократия, богатство и бедность) смягчаются формированием смыслов, способных сохранить конструктивный потенциал

² Т.Н. Грановский рассмотрел переходные формы как периоды подготовки общества к качественно новому историческому состоянию, в которой задействованы все виды исторической деятельности человека, в том числе и философско-рефлексивная. Он был уверен, что только в переходных формах (эпохи вхождения общества в новый исторический цикл) возможно «подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле». С ними Грановский связывал выход из равновесного, т.е. «замкнутого на себя», застывшего состояния в качественно иное, фиксирующее начало нового этапа в цивилизационном развитии (см.: [Грановский 1961, 199–201; Сиземская 2013]).

исторически сложившихся способов и форм социального бытия. В ее сфере формируется *механизм диалога* между поколениями, фиксирующий внимание на дополняемости исторически складывающихся общественных идеалов и нравственных ориентаций. У Ахиезера в анализе исторического опыта России этот диалог получил категориальное выражение в концепте медиации, который фиксирует ситуацию (познавательную, нравственную, экономическую, политическую), связанную с отказом исторического субъекта от абсолютизации складывающихся в ней полярностей и «фокусирует внимание на таком осмыслении явления, которое было бы соотнесено с полюсами, и полюса – друг с другом через осмысляемое явление» [Ахиезер 1991б, 186]. Медиация как направленность сознания акцентирует внимание на поиске меры между дуальными оппозициями, которая была бы нацелена на выход из их конфронтации и открывала путь новым культурным смыслам и отношениям. Сущностная черта медиации не в том, что она не содержит внутренних запретов на формирование новых смыслов, а в том, что она ориентирует так, чтобы эти смыслы учитывали позитивное содержание сложившихся ранее старых. По своей сути ее механизм служит *размыканию исторических циклов*, т.е. воссозданию того, что было, но с учетом его нереализованных возможностей и тенденций.

Механизм медиации способствует движению цикла в направлении к «серединной культуре» (Бердяев), особенностью которой является снятие (или хотя бы смягчение) дуальной оппозиции посредством наращивания нового позитивного содержания во всех способах воспроизводства и существования социальности. В этой направленности медиации кроется ее эвристический потенциал, открывающий дополнительные исследовательские возможности идеи исторического циклизма. Сегодня понятие медиации и стоящие за ним идеи включены в контекст многочисленных исследований отечественного культурного наследия, инициировав появление термина «неполитический либерализм» [Давыдов 2012]. Термин отражает протестный смысл литературного творчества как фактора преодоления архаичных оснований культуры³.

³ Книга А.П. Давыдова «Неполитический либерализм в России» [Давыдов 2012] о расколе в российской культуре между культурной статикой и социальной динамикой, о свободе и несвободе творческой личности. Ставя цель дать анализ социальных оснований и логики развития

Анализ исторического опыта и сегодняшнего состояния России с позиций медиационного подхода показывает, что «традиционная культура потеряла в ней господствующее положение, но освободившееся место не было занято либерально-модернистской культурой. Это свидетельствует о специфике российской цивилизации как цивилизации промежуточного типа» [Ахиезер 2006, 44]. Иным словами, российское общество, начиная с Нового времени, характеризует *социально-культурный раскол*, означающий, что систему его отношений и культуру отличает сосуществование противоречивых, исключающих по своей направленности духовно-ценностных смыслов. Возникает вопрос: является ли раскол свидетельством недостаточной способности ее исторических субъектов к продуктивному диалогу с прошлым, к конструктивно-позитивному реагированию на происходящие политические, экономические, институциональные и культурные изменения? Этот вопрос не имеет однозначного ответа в рамках парадигмы исторических циклов. В самом деле, как, скажем, интерпретировать сегодняшнюю практику патернализма верховной власти, распространяющуюся на все сферы общественной жизни и очевидно тормозящую развитие гражданского общества? Это *вынужденная* реакция верховной власти на сегодняшнее состояние социальной реальности или ее неспособность/нежелание расстаться с наиболее комфортными для нее исторически складывавшимися формами взаимоотношения с народом? Видимо, ответ должен исходить из признания, что и тот и другой элемент в ситуации присутствует, но тогда у проблемы непростое решение — оно связано с поиском как можно большего числа факторов, определяющих жизненную силу вчерашнего и сегодняшнего смыслов патернализма. Но главное и, пожалуй, самое трудное: ответ должен включать осознание того, что раскол как социокультурный факт, с одной стороны, увы, разрушает целостность исторической реальности, но, с другой стороны, стимулирует развитие у ее субъектов критической рефлексии. Приведу в этой связи следую-

такого раскола, автор обращается к художественному творчеству писателей, начиная с А.С. Пушкина, сделавших предметом литературно-философской рефлексии идею свободы, искавших то, что автор называет богочеловеческой «серединой» и неполитическим либерализмом как культурной нормой, либеральной по своей ценностной интенции. В книге представлен опыт социокультурного анализа, основанный на критике архаики и утверждении личностной альтернативы ей.

щее суждение Бердяева: «Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию <....> Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того, чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта» [Бердяев 1990, 5]. И этот момент тоже необходимо учитывать при анализе социокультурного опыта «промежуточных» цивилизаций, реальных возможностей смены их статичной логики на медиационную в поисках и утверждении новых смыслов.

Выводы

Обращение к творческому наследию А.С. Ахиезера каждый раз выявляет его характерную особенность: оно расширяет исследовательский горизонт идей, включенных в проблемное поле описания/интерпретации исторического процесса и развития отдельных цивилизаций. Предложенный в статье ракурс рассмотрения идеи исторической цикличности во многом инициирован анализом российского социокультурного опыта Ахиезера и разработанным на его основе научным аппаратом. Это позволило прийти к следующим заключениям.

Во-первых, идея цикличности предполагает интерпретацию истории как целостного процесса, т.е. разворачивающегося в общих для всех народов временных параметрах «прошлого-будущее-настоящее» и в социально-культурных измерениях движения цивилизации по пути совершенствования общественных форм жизни. Она утверждает, что любая социальная система не имеет абсолютного завершения даже на этапе ее упадка, и потому каждая конкретная историческая реальность сохраняет элементы старого, включая их в свое разворачивание во времени. Это актуализирует связь традиций с новациями, но одновременно связывает возможность и реальность в переходные эпохи дуальной оппозиции в общественном сознании и в выбранных ориентирах социальной практики.

Во-вторых, российское общество часто оказывалось «застрявшим», если использовать термин Ахиезера, на переходе от смыслов и ценностей традиционного общества к культуре Нового времени, к модернизирующемуся современному обществу. Его исторический опыт свидетельствует, что возможность, как и само осуществление, исторических поворотов сопрягаются с их оценкой историческим субъектом. Это придает ходу исто-

рических событий и историческому процессу в целом элемент неопределенности (вспомним изречение классика «сегодня – рано, завтра – поздно»), а способам вхождения общества в новый цикл – определенную зависимость от субъективного фактора.

В-третьих, периодические возвращения общества к пережитым историческим состояниям каждый раз находят отражение в его культуре. Более того, культура является своеобразной платформой-трамплином, которая в числе других факторов инициирует переход социума в новую эпоху. В ее сфере исторический циклизм принимает форму повторяющихся возвратов общественной мысли и художественного творчества к темам, традиционным для данного общества и его культуры. Для России такими, начиная с «Повести временных лет», стали темы о ее историческом предназначении: «Что есть Россия и какова ее судьба?», «Способна ли Россия пойти своим особым путем и какое место она занимает в европейской истории?» На обсуждении этих вопросов, как отмечал Н.А. Бердяев, формировалось национальное самосознание [Бердяев 1990]. Конечно, обращение к ним было предопределено и особенностями русской мысли, которая, по оценке В.В. Зеньковского, была изначально «сплошь историософична». Но побудительными мотивами для такой рефлексии каждый раз были исторические виражи и разломы, которые переживала страна. Достаточно вспомнить эволюцию религиозно-мессианской идеологии «Москва – третий Рим» (XVI в.), начавшуюся после петровских реформ (XVIII в.) и завершившуюся после победы России в войне 1812–1814 гг. трансформацией ее в сциентистски-мессианскую идею «XIX век принадлежит России» с ее призывом «встать впереди всемирного просвещения».

В-четвертых, прослеживающаяся историческая симметрия между духовной жизнью общества и его историческими циклами говорит о главном: понять смыслы и значимость циклизма как исторического явления можно только *в единстве всех составляющих исторического процесса* – социально-экономической, политической, нравственной, культурной, собственно исторической (событийной) и тех, что связаны с общей логикой развития истории. Успехи такого понимания зависят от совместных усилий философов, историков, экономистов, политологов, культурологов.

Отмеченные моменты позволяют сказать, что идея циклизма, включенная в контекст социокультурного анализа российской истории, фиксирует важнейшие вопросы современного

философско-исторического знания – те, что связаны с выявлением механизмов перехода современного общества из одного исторического состояния к другому.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аххиезер 1991а – *Аххиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. В 3-х тт. Т. I. – М.: Издательство ФО СССР, 1991.

Аххиезер 1991б – *Аххиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. Т. III. – М.: Издательство ФО СССР, 1991.

Аххиезер 2006 – *Аххиезер А.С.* Специфика российской истории // *Аххиезер А.С.* Труды. – М.: Новый хронограф, 2006. С. 23–167.

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.

Грановский 1961 – *Грановский Т.Н.* Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья (Авторский конспект и записи слушателей). – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Грановский 2006 – *Грановский Т.Н.* Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. – М.: ИВИ РАН, 2006.

Давыдов 2012 – *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012.

Данилевский 1995 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. – СПб.: Изд-во «Глагол» С.-Петербургского университета, 1995.

Ильин, Аххиезер 2000 – *Ильин В.В., Аххиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

Ильин, Панарин, Аххиезер 1996 – *Ильин В.В., Панарин А.С., Аххиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

Кондратьев 1989 – *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989

Леонтьев 1996 – *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. – М.: Республика, 1996.

Лимонов 2014 – *Лимонов В.А.* Идея циклизма в историософии культуры: на примере трудов русских мыслителей XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. Т. 203. С. 361–366.

Матвеева 1992 – *Матвеева С.Я.* Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Аххиезера // *Аххиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта / изд. 2-е в двух томах, переработанное и дополненное. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 3–29.

Новикова, Сиземская 2004 – *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Российские ритмы социальной истории. – М.: ИФ РАН, 2004.

Пантин 2003 – Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. – М.: Новый век, 2003.

Пантин, Лапкин, 2006 – Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: Феникс, 2006.

Сиземская 2013 – Сиземская И.Н. Т.Н. Грановский о научных основаниях соединения философии с историческим знанием // Философские науки. 2013. № 9. С. 67–79.

Сорокин 2000 – Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000.

Тойнби 1991 – Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.

Циклы политического развития 2010 – Циклы политического развития: прогностический потенциал. Сборник статей / отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Яковец 1999 – Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999.

Ясперс 1991 – Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1991a) *Russia: A Critique of Historical Experience*. In 3 Vols (vol. 1). Moscow: USSR Philosophical Society Press (in Russian).

Akhiezer A.S. (1991b) *Russia: A Critique of Historical Experience*. In 3 Vols (vol. 3). Moscow: USSR Philosophical Society Press (in Russian).

Akhiezer A.S. (2006) The Specifics of Russian History. In: Akhiezer A.S. *Works* (pp. 23–167). Moscow: Novy Khronograf (in Russian).

Berdyaev N.A. (1990) *The Meaning of the History*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Granovsky T.N. (1961) *Lectures of T.N. Granovsky on the History of the Middle Ages*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

Granovsky T.N. (2006) *The Idea of Universal History. Articles. Texts*. Moscow: Institute of Global History, RAS (in Russian).

Danilevsky N.Y. (1995) *Russia and Europe*. Saint Petersburg: "Glagol" Publishing House of Saint Petersburg University (in Russian).

Davydov A.P. (2012) *Non-Political Liberalism in Russia*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Ilyin V.V. & Akhiezer A.S. (2000) *Russian Civilization: Content, Boundaries, Opportunities*. Moscow: Moscow State University Press (in Russian).

Ilyin V.V., Panarin A.S., & Akhiezer A.S. (1996) *Reforms and Counter-Reforms in Russia. The Cycles of the Modernization Process*. Moscow: Moscow State University Press (in Russian).

Jaspers K. (1991) *The Origin and Goal of History*. Moscow: Politizdat (Russian translation).

Kondratiev N.D. (1989) *Problems of Economic Dynamics*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Leontyev K.N. (1996) Byzantism and Slavism. In: Leontyev K.N. *East, Russia and Slavs*. Moscow: Respublika (in Russian).

Limonov V.A. (2014) The Idea of Cyclism in the Historiosophy of Culture: On the Example of the Works of Russian Thinkers of the 20th Century. *Transactions of Saint Petersburg State Institute of Culture and Arts*. Vol. 203, pp. 361–366 (in Russian).

Matveeva S.Y. (1998) A Split Society: The Path and Fate of Russia in the Socio-Cultural Theory of Alexander Akhiezer. In: Akhiezer A.S. *Russia: A Critique of Historical Experience* (pp. 3–29). Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf (in Russian).

Novikova L.I. & Sizemskaya I.N. (2004) *Russian Rhythms of Social History*. Moscow: Institute of Philosophy, RAS (in Russian).

Pantin V.I. (2003) *Cycles and Waves of Global History*. Moscow: Novyy vek (in Russian).

Pantin V.I. & Lapkin V.V. (2006) *The Philosophy of Historical Forecasting: The Rhythms of History and the Prospects for World Development in the First Half of the 21st Century*. Dubna: Feniks (in Russian).

Pantin V.I. & Lapkin V.V. (Eds.) (2010) *Cycles of Political Development: Prognostic Potential. Collected Articles*. Moscow: IMEMO RAS Institute (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2013) T.N. Granovsky on the Scientific Foundations for Combination of Philosophy with Historical Knowledge. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2013. No. 9, pp. 67–79 (in Russian).

Sorokin P. (2000) *Social and Cultural Dynamics: The Study of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations*. Saint Petersburg: RKHGI (in Russian).

Toynbee A.J. (1991) *A Study of History*. Moscow: Progress (Russian translation).

Yakovets Y.V. (1999) *Cycles. Crises. Forecasts*. Moscow: Nauka (in Russian).